

РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ НЕРАВЕНСТВА И ПРАВОВОГО РАЗМЕЖЕВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО СОЦИУМА В ПОЗДНЕМ СССР (1950–1980)

Никифоров Юрий Сергеевич, кандидат исторических наук, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия; Вологодский государственный университет, Вологда, Россия, Nikifor2108@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4253-4532>

Аннотация. В работе исследуются факторы неравенства и источники правового размежевания производственного социума в СССР 1950–1980-х гг. В статье ставится вопрос о ключевых аспектах регионального и отраслевого неравенства советского социума. Теоретико-методологическая основа исследования связана с парадигмой «глобальной интеллектуальной истории неравенства». Большое внимание уделяется анализу понятий «сословие» и «класс» в современной историографии. Статья базируется на идеях М.А. Безнина и Т.М. Димони о правовом размежевании производственного социума в СССР и формировании особых социальных классов в советской России 1950–1980-х гг. Важную теоретическую роль играет дискуссионный тезис исследователя С.Г. Кордонского о существовании в СССР особых сословий – социально-учетных групп. Источниковая база исследования представлена официальными нормативными документами советской эпохи, статистическими данными, неопубликованными архивными документами Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). В статье высказывается научная гипотеза о том, что в числе главных критериев неравенства и правового размежевания производственного социума СССР второй половины XX в. были 3 показателя: формально определенный размер заработной платы, социальное обеспечение, горизонтальная социальная мобильность.

Ключевые слова: неравенство, правовое размежевание, поздний СССР, регионы, центр, социальные классы, производственный социум, статус, социальное обеспечение.

Благодарности. Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 19-18-00269.

Для цитирования: Никифоров Ю.С. Региональные и отраслевые аспекты неравенства и правового размежевания производственного социума в позднем СССР (1950–1980) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 76–81. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-76-81>

Research Article

REGIONAL AND SECTORAL ASPECTS OF INEQUALITY AND LEGAL DELIMITATION OF THE PRODUCTION SOCIETAS IN THE LATE USSR (1950–1980)

Yury S. Nikiforov, Candidate of Historical Sciences, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University, Yaroslavl, Russia; Vologda State University, Vologda, Russia. Nikifor2108@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4253-4532>

Abstract. The article examines the factors and sources of inequality and legal delimitation of the industrial societias in the USSR in the 1950–1980s. The article raises the question of the key aspects of regional and sectoral inequality of the Soviet societias. The theoretical and methodological basis of the study is associated with the paradigm of the «global intellectual history of inequality». Much attention is paid to the analysis of the concepts of «estate» and «class» in modern historiography. The article is based on the ideas of Mikhail Beznin and Tat'yana Dimoni on the legal demarcation of the production societias in the USSR and the formation of special social classes in Soviet Russia in the 1950s–1980s. An important theoretical role is played by the controversial thesis of the researcher Simon Kordonskiy on the existence of special estates – social registration groups – in the USSR. The source base of the study is represented by the official normative documents of the Soviet era, statistical data, unpublished archival documents of the Russian State Archive of Social and Political History. The article expresses a scientific hypothesis that the main criteria for inequality and legal delimitation of the production societias of the USSR included 3 indicators in the second half of the 20th century – a formally determined size of wages, social security, horizontal social mobility.

Keywords: inequality, legal delimitation, late USSR, regions, centre, social classes, industrial societias, status, social security.

Acknowledgments. This work was supported by the Russian Science Foundation, project 19-18-00269

For citation: Nikiforov Yu.S. Regional and sectoral aspects of inequality and legal delimitation of the production societas in the late USSR (1950–1980). Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 76–81 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-76-81>

Актуальность обращения к проблеме неравенства в СССР определяется рядом теоретико-методологических позиций. Во-первых, в международном масштабе интенсивное развитие получило такое научное междисциплинарное направление, как «глобальная интеллектуальная история неравенства». Среди ее крупнейших представительниц следует назвать таких известных исследователей, как Т. Пикетти, Дж. Стиглиц, А. Дитон, Дж. Гэлбрейт, Бр. Миланович, В. Шайдель, З. Стурман [Пикетти; Стиглиц; Deaton; Galbraith; Milanovic; Scheidel; Stuurman]. Во-вторых, в современной российской историографии исследователи все большее внимание уделяют истории развития отечественного социума, «специфике происходящих в нём трансформаций, принципах его деления на составные части, иерархическом ранжировании этих частей, способах взаимодействия между ними» [Четыре столетия: 151]. Подтверждением этого тезиса являются выход масштабной монографии уральских исследователей, посвященной социальной стратификации России XVII–XX вв. [Границы и маркеры], и ее широкое обсуждение на страницах главного академического журнала профессиональных историков «Российская история» в 2021 г. [Четыре столетия: 151–180].

Традиционное позиционирование советского социума как общества, стремящегося к бесклассовой структуре – коммунизму, можно назвать «общим местом» в официальном идеологическом дискурсе власти в СССР [Фокин]. В реальности и в СССР имело место существенное общественное неравенство. Со времен «Номенклатуры» М. Восленского акцент в историографии при изучении противоречий, которые были в советском обществе, делался главным образом на противопоставлении советского правящего класса / партократии [Восленский], с одной стороны, и беспартийных / трудящихся (производственная часть социума), с другой. Однако неравенство было гораздо шире: оно имело место и в самом производственном социуме. Этот аспект социальной структуры СССР нашел отражение в ряде оригинальных концепций. Например, исследователь С.Г. Кордонский, автор «теории административного рынка», выступил с парадоксальным тезисом о существовании в СССР особых сословий [Кордонский]. На первый взгляд, этот тезис ученого требует критичного восприятия и несет лишь долю рационализма. Однако современные отечественные и зарубежные исследователи во многом солидарны с точкой зрения Кордонского. Дискуссии о категории «сословие» [Confino: 681–699] нашли отражение в таком направлении историогра-

фии, как «история понятий» («Begriffsgeschichte»). В.Н. Круглов (ИРИ РАН) в новейшей статье 2021 г. по поводу термина «сословие» пишет, что «можно упразднить определение, но упразднить обозначаемое им явление значительно тяжелее...» Советскому режиму, «несмотря на все усилия по уничтожению старого общества, так и не удалось сломать те основы, на которых оно строилось... “сословия” возродились в самые короткие сроки и в самых неблагоприятных обстоятельствах... именно *сословность* и является естественной формой социальной стратификации для России» [Круглов: 173]. Так, С.Г. Кордонский, наполняя контентом тезис о *сословности советского социума*, подчеркивал, что «рабочим высших категорий в оборонной промышленности полагались совершенно иные уровни свободы передвижения и снабжения, нежели колхозникам, которые... были лишены до 60-х гг. XX в. права на оплату труда деньгами и права на изменение места работы и жительства» [Кордонский: 50]. М.А. Безнин и Т.М. Димони в монографии «Аграрный строй России 1930–1980-х гг.», в свою очередь, выделили и подробно охарактеризовали 5 *социальных классов советской деревни*: протобуржуазия, менеджеры, интеллектуалы, рабочая аристократия, сельскохозяйственный пролетариат [Безнин, Димони: 213–559]. Британский историк Д. Фильцер в серии работ, посвященных *рабочему классу в СССР* от сталинской индустриализации 1930-х гг. до горбачевской перестройки и распада СССР [Фильцер; Filtzer, 1986, 1994, 2002], также поддерживает традиционную понятийную схему, предусматривающую деление советского социума на классы. Возникающую терминологическую дихотомию между «сословием» и «классом» – понятиями, употребляемыми разными исследователями для обозначения одних и тех же социальных групп одной исторической эпохи, блестяще разрешает историк Э.К. Виртшафтер (США): как «сословие», так и «класс» могут интерпретироваться двояко: или как абстрактные социологические категории, транслируемые учёными на социальную реальность, или же как исторически развивающиеся концепты, которые необходимо анализировать, опираясь на разнообразные источники (административно-правовые, литературные или научные), созданные в конкретных исторических ситуациях» [Виртшафтер: 176].

С точки зрения упомянутого Кордонского, главный фактор правового размежевания находился в формально-юридической плоскости: отсутствие правоустанавливающих документов, необходимых «для участия в вольном социалистическом строительстве», – па-

спортов и трудовых книжек [Кордонский: 50]. Действительно, факт отсутствия до 1974 г. паспортов у колхозников [Безнин, Димони] подтверждает мнение Кордонского. Критериями размежевания, по Кордонскому, были документы, обозначающие положение гражданина СССР в «многомерном сословном пространстве». Паспорт, трудовая книжка, диплом / иной документ об образовании, военный билет или удостоверение военнослужащего, партийный, комсомольский, профсоюзный билеты, пенсионное удостоверение, рукописная автобиография, награды – все эти документы «фиксируют социальное происхождение человека, его положение и ступень карьеры, уровень образования, отношение к военной службе, которые создавали или ограничивали социальную мобильность» [Кордонский: 53].

Ключевыми формальными источниками для изучения правового размежевания советского производственного социума являются основной закон страны – Конституция СССР¹ и кодексы законов о труде (далее – КЗоТ). Так, советский КЗоТ 1922 г. действовал в течение 50 лет, когда с 1972 г. был введен в действие новый КЗоТ РСФСР².

Полагаю, что в числе основных критериев правового размежевания производственного социума России второй половины XX в. можно назвать по крайней мере 3 показателя. Во-первых, таким критерием выступает формально определенный / официально установленный размер заработной платы, закрепленный в нормативных документах различных отраслей народного хозяйства СССР. Во-вторых, критерием правового размежевания являются условия труда и отдыха, различные льготы, дополнительные блага, элементы социального обеспечения, связанные с реализацией социальной политики. В-третьих, выделим такой показатель, как горизонтальная социальная мобильность, связанный со свободой передвижения (внутри страны и за ее пределами).

Обратимся к более подробному рассмотрению обозначенных критериев, а также источников и векторов правового размежевания производственного социума в СССР второй половины XX в. Учитывая ограниченный объем статьи, а также критерий информативности и разнообразия, основное внимание будет сосредоточено на рабочем классе и его дифференцировании на более узкие категории.

В терминологии Кордонского сословие рабочих делилось «на группы, подсословия в зависимости от места прописки, отрасли народного хозяйства, пола, возраста, уровня образования, происхождения». Исследователь указывал на явные *элементы регионального неравенства*, существовавшие в среде производственного социума СССР: «Рабочие “средмашевских” предприятий Москвы – совсем не то сословие, что рабочие совхоза в селе под Кызылом» [Кордонский: 50].

Обратимся к опыту регионального неравенства в позднем СССР, рассмотрев его через призму архивных документов. Несмотря на то, что в СССР не было принято говорить о региональном неравенстве, теоретический тезис Кордонского подтверждается данными официальных первоисточников. Рассекреченные архивные документы – аналитические записки, отложившиеся в фонде Н.И. Рыжкова, бывшего председателя Совмина СССР (1985–1990), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), – свидетельствуют не только о больших демографических дисбалансах (отток населения из Сибири и Дальнего Востока в центр и на юг СССР), но и о социально-экономических противоречиях между регионами СССР (Восточная Сибирь, Дальний Восток, регионы Нечерноземья в средней полосе России). Так, в секретной справке 1974 г. экономический отдел ЦК КПСС сообщал, что «уровень жизни населения в центральной зоне страны, в обширной полосе Нечерноземья, заметно отстает от показателей западных и южных регионов СССР». Чиновники подчеркивали «усиление миграции, которая не соответствует интересам советского государства (экономическим и оборонным)». Они докладывали об оттоке населения «из перспективных регионов (Дальний Восток, Сибирь) в регионы с избыточной рабочей силой (Северный Кавказ, Кубань, Туркмения, Узбекистан, Молдавия, южные районы Украины), приводя статистические данные («для примера, за 5 лет Сибирь потеряла 1,2 млн чел.»). Сотрудники аппарата зафиксировали и различия в рождаемости: «...удельный вес населения региона Средней Азии и Закавказья повысился с 15 % до 20 %. Напротив, в европейской части России растет число бездетных и малодетных семей. Для примера, в 1970 г. в целом по СССР – таких семей было 57 %. В Украине и России было 61 %»³.

Коснемся некоторых аспектов *отраслевого неравенства* производственного социума СССР в ракурсе правового размежевания. Кордонский подчеркивал, что «институт профессии... эквивалентен сословной принадлежности...», «...профессионализация была... сословной социализацией» [Кордонский: 50]. Исходя из этого тезиса исследователя, можно заключить, что, вероятно, нижний уровень в правовом размежевании производственной части советского социума занимали лица, обвиненные в туеядстве⁴. Напротив, лауреаты Ленинских и Государственных премий, Герои Советского Союза и Социалистического Труда составляли, в интерпретации Кордонского, «суперэлиту советского сословного общества» [Кордонский: 51–52].

В первую очередь обратим внимание на *критерий правового размежевания, связанный с уровнем заработной платы*. С одной стороны, важнейшими официальными источниками, позволяющими проанализировать этот критерий правового размежевания, являются

статистические сборники [Труд в СССР]. Данные сборника «Труд в СССР» за 1988 г. в разделе «Среднемесячная денежная заработная плата рабочих и служащих по отраслям промышленности» [Труд в СССР: 189–195] позволяют детально представить дисперсию уровня зарплаты промышленно-производственного персонала с разбивкой на рабочих и служащих с 1950 г. по 1987 г., сравнив с тезисами историографии. Так, по оценкам британского историка Д. Фильцера, «в привилегированном положении» по уровню зарплаты находились угольная промышленность и черная металлургия. Напротив, низкооплачиваемыми и «политически малозначимыми» считались текстильная и другие отрасли легкой промышленности. Фильцер пишет, что «соответствующие министерства в экономических планах властей занимали второстепенное место, а рабочим этих отраслей было затруднительно вести неформальные переговоры с начальством об уровне оплаты труда» [Фильцер: 311]. Действительно, официальные данные советской статистики за 1950 г. свидетельствуют о почти 3-кратном различии в среднемесячной зарплате рабочих угольной отрасли и швейной промышленности: средняя зарплата шахтера составляла 117,2 руб., а швеи – 40,7 руб. [Труд в СССР: 190, 194].

С другой стороны, важную группу источников представляют документы, отложившиеся, прежде всего, в фондах Российского государственного архива экономики (РГАЭ) – *нормативно-правовые акты различных министерств и ведомств*, устанавливавшие ставку и размер заработной платы, стимулирующие надбавки. Так, интересные данные относительно *соотношения оклада и премии* на советском железнодорожном транспорте в послевоенную эпоху приводит Д. Фильцер. Он писал, что «в относительно привилегированном положении находились машинисты паровозов, которые получали в дополнение к основному окладу разнообразные премии, в общей сложности равнявшиеся половине их месячного заработка» [Фильцер: 312]. Кордонский, акцентируя внимание на значимости *ведомственных подзаконных нормативных актов*, выделял в СССР так называемые «учетные сословия». Их состав, по его мнению, определялся порядком управления – «совокупностью непубличных подзаконных актов и ведомственных инструкций, фиксирующих порядок доступа к ресурсам членов сословий» [Кордонский: 51–52].

Критерий правового размежевания производственной части социума в СССР, связанный с режимом труда и отдыха, элементами дополнительного социального [Братановская; Капустина] обеспечения (дополнительный отпуск, сокращенный рабочий день, пенсионное обеспечение)⁵ очень хорошо анализируется в плоскости условного/неформального разделения отраслей промышленности на «чистые» и «грязные»,

которое нашло отражение и в научной литературе. Так, например, к отраслям, которые по советским стандартам считались относительно «чистыми», относилось машиностроение. Машиностроительные предприятия, как правило, располагались в крупных промышленных центрах и могли предложить сносные условия снабжения, проживания, профессиональное обучение. Напротив, набор кадров в угольные шахты, на стройки и предприятия черной металлургии сталкивался с определенными трудностями, несмотря на достаточно высокий средний уровень зарплаты в этих отраслях на протяжении всего советского периода [Труд в СССР: 190–191]. Из работы Фильцера следует, что угольная промышленность и черная металлургия испытывали сложности с набором и удержанием работников «в связи с неблагоприятным географическим расположением их предприятий и тяжелыми условиями труда» [Фильцер: 30, 311].

В ракурсе социальной политики важным институтом правового размежевания можно назвать деятельность отраслевых профсоюзов. Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС) и его отраслевые профсоюзы обеспечивали такими ресурсами, как продукты питания, путевки в санатории и дома отдыха, оплата лечения и организация профсоюзных касс взаимопомощи [Кордонский: 56].

С.Г. Кордонский метафорично описывал *привилегии, подчеркивавшие правовое размежевание в сфере потребления*: «Кому-то полагались мандарины, говяжья вырезка и импортный растворимый кофе, кому-то – хлебная пайка, а кто-то должен был благодарить партию и правительство за возможность выживать, ведя личное подсобное хозяйство» [Кордонский: 53]. Вероятно, относительно успешной в СССР была реализация социальной политики лишь на отдельных отраслевых уровнях, что способствовало дифференциации в производственном секторе экономики и размежеванию рабочего класса. В частности, на общем фоне, безусловно, выделяется железнодорожная отрасль и ее патрон в советской системе органов власти – Министерство путей сообщения (далее – МПС). МПС являлось, по выражению Д. Фильцера, «самостоятельной империей... имело собственный комплекс строительных организаций, машиностроительные, локомотиво-вагоноремонтные заводы, располагало собственной сетью школ и больниц, не подчинявшихся Министерству народного образования и здравоохранения». Так, по оценкам упомянутого Фильцера, к 1950 г. численность сотрудников МПС выросла до 3,6 млн человек, а в школах МПС к 1953 г. обучалось около 1,3 млн детей [Фильцер: 33–34].

Третий важнейший показатель правового размежевания производственного социума в СССР, который требует отдельного углубленного исследования, – горизонтальная мобильность, возможность

свободного передвижения. Так, характеризуя рубеж 1940–1950-х гг., Д. Фильцер отмечал интересную деталь в правовом статусе рабочих, набранных через систему оргнабора, которые формально считались свободно нанятыми, но по факту их «заставляли заключать трудовые договоры, существенно ограничивавшие свободу их передвижения» [Фильцер: 31]. По поводу этого аспекта Кордонский выделял такие привилегии, как право на «особые, строго нормируемые блага – доступ к зарубежной информации или поездки за границу» [Кордонский: 53].

Таким образом, среди возможных критериев исследования правового (формального и реального) размежевания производственной части советского социума следует назвать официально установленный уровень заработной платы, социальное обеспечение, включая объем социального страхования, горизонтальную социальную мобильность, включая выезд за границу, а также престиж профессии, доступ к образованию и к власти (например, возможность избрания в Верховные советы РСФСР/СССР). В числе оригинальных сюжетов, связанных с правовым размежеванием производственного социума, можно указать на перспективу исследования возможностей участия различных категорий населения в управлении производством и в политической жизни, включая период нарастания кризисных явлений в жизни СССР [Никифоров: 405–419].

Примечания

¹ Конституция (Основной закон) СССР (1977 г.) // Гарант: справ. правовая система. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 19.02.2021)

² Кодекс законов о труде РФ: (утв. ВС РСФСР 09.12.1971) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1035/ (дата обращения: 27.02.2021)

³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 653. Оп. 1. Д. 41. Л. 60.

⁴ О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни: (от 21.02.46) // Электронная библиотека исторических документов: справ. система Российского исторического общества. URL: <http://docs.historyrussia.org> (дата обращения: 15.12.20).

⁵ См.: Об утверждении Списка производств, цехов, профессий и должностей с вредными условиями труда, работа в которых дает право на дополнительный отпуск и сокращенный рабочий день: постановление Госкомтруда СССР, Президиума ВЦСПС от 25.10.1974 № 298/П-22 (ред. от 29.05.1991) // Гарант: справ. правовая система. URL: <https://base.garant.ru/176267/> (дата обращения: 14.03.21); О гарантиях и компенсациях при переезде на работу в другую местность: Поста-

новление Совмина СССР от 15.07.1981 № 677 (ред. от 12.06.1989) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4674 (дата обращения: 14.03.21).

Список литературы

Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России 1930–1980-х гг. Вологда, 2014. 608 с.

Безнин М.А., Димони Т.М. Повинности российских колхозников в 1930–1960-е гг. // Отечественная история. 2002. № 2. С. 96–111.

Братановская М.С. Правовая организация управления социальным обеспечением в СССР в послевоенный период (1946–1991) // История государства и права. 2011. № 9. С. 5–8.

Виртушафтер Э.К. Новая социальная история России // Российская история. 2021. № 1. С. 174–180.

Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. Москва: Директ-Медиа, 2019. 662 с.

Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.: векторы исследования / под ред. Д.А. Редина. СПб.: Алетейя, 2018. 722 с.

Четыре столетия общественной эволюции: размышления о структуре российского социума XVII–XX вв. Диалог о книге / А.Б. Каменский, Д.В. Лисейцев, В.Н. Круглов и др. // Российская история. 2021. № 1. С. 151–180.

Капустина О.В. Деятельность Советского государства по совершенствованию пенсионного обеспечения граждан (вторая половина 1950-х – 1980-е гг.): дис. ... канд. истор. наук. СПб., 2010. 408 с.

Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. М.: Общественное мнение, 2008. 216 с.

Круглов В.Н. Социальная стратификация советского: в лабиринтах явлений, трактовок, терминов // Российская история. 2021. № 1. С. 169–174.

Никифоров Ю.С. «В народном хозяйстве обостряются процессы, на которые мы не можем закрывать глаза»: проблемы СССР первой половины 1980-х годов (по материалам фонда Н.И. Рыжкова) // Научный диалог. 2020. № 9. С. 405–419.

Пикетти Т. Капитал в XXI в. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2016. 591 с.

Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо, 2015. 255 с.

Труд в СССР: статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1988. 302 с.

Фильцер Д. Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2011. 354 с.

Фокин А.А. «Коммунизм не за горами»: образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х гг. М.: РОССПЭН, 2017. 221 с.

Confino M. The «Soslovie» (Estate) Paradigm: Reflections on some open questions. *Cahiers du Monde russe*, 2008, vol. 49, № 4, pp. 681–699.

Deaton A. *The Great Escape: Health, Wealth, and the Origins of Inequality*. Princeton, NJ, Princeton University Press, 2013, 375 p.

Filtzer D. *Soviet Workers and Stalinist Industrialization: The Formation of Modern Soviet Production Relations, 1928-1941*. Londres, Pluto Press, 1986, 338 p.

Filtzer D. *Soviet Workers and the Collapse of Perestroika: The Soviet Labour Process and Gorbachev's Reforms, 1985-1991*. Cambridge University Press, 1994, 316 p.

Filtzer D. *Soviet Workers and De-Stalinization: The Consolidation of the Modern System of Soviet Production Relations, 1953-1964*. Cambridge University Press, 2002, 340 p.

Galbraith J.K. Global Inequality and Global Macroeconomics. *Journal of Policy Modeling*, 2007, № 29 (4), pp. 587–607.

Milanovic B. *Global Inequality: A New Approach for the Age of Globalization*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 2016, 320 p.

Scheidel W. *The great leveler: violence and the history of inequality from the Stone Age to the twenty-first century*. Oxford, Princeton univ. press, 2018, 504 p.

Stuurman S. *The invention of humanity: equality and cultural difference in world history*. Cambridge, Massachusetts, London: Harvard university press, 2017, 665 p.

References

Beznin M.A., Dimoni T.M. *Agrarnyi stroi Rossii 1930–1980* [The agrarian system of Russia in the 1930-1980s]. Vologda, 2014, 608 p. (In Russ.)

Beznin M.A., Dimoni T.M. *Povinnosti rossiiskikh kolhoznikov v 1930–1960* [Obligations of Russian collective farmers in the 1930-1960s]. *Otechestvennaia istoriia* [National history], 2002, № 2, pp. 96–111.

Bratanovskaia M.S. *Pravovaia organizatsiia upravleniia sotsial'nym obespecheniem v SSSR v poslevoennyi period* (1946-1991) [Legal organization of social security management in the USSR in the post-war period (1946-1991)]. *Istoriia gosudarstva i prava* [History of State and Law], 2011, № 9, pp. 5–8.

Virtshafter E.K. *Novaia sotsial'naia istoriia Rossii* [New social history of Russia]. *Rossiiskaia istoriia* [Russian history], 2021, № 1, pp. 174–180.

Voslenskii M.S. *Nomenklatura. Gospodstvuiushchii klass Sovetskogo Soiuzu* [Nomenclature. The dominant class of the Soviet Union]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2019, 662 p. (In Russ.)

Granitsy i markery sotsial'noi stratifikatsii v Rossii XVII–XX vv.: vektory issledovaniia [Boundaries and markers of social stratification in Russia in the 17th-20th centuries: research vectors], ed. by D.A. Redina. Saint Petersburg, Aleteiia Publ., 2018, 722 p. (In Russ.)

Chetyre stoletii obshchestvennoi evoliutsii: razmyshleniia o strukture rossiiskogo sotsiuma XVII–XX vv. Dialog o knige [Four centuries of social evolution: reflections on the structure of Russian society in the 17th-20th centuries. Dialogue about the book], A.B. Kamenskii, D.V. Liseitsev, V.N. Kruglov and etc. *Rossiiskaia istoriia* [Russian history], 2021, № 1, pp. 151–180.

Kapustina O.V. *Deiatel'nost' Sovetskogo gosudarstva po sovershenstvovaniiu pensionnogo obespecheniia grazhdan (vtoraia polovina 1950-1980): dis. ... kand. istor. nauk*. [The activity of the Soviet state to improve the pension provision of citizens (second half of the 1950s-1980s): DSc thesis]. Saint Petersburg, 2010, 408 p. (In Russ.)

Kordonskii S.G. *Soslovnaia struktura postsovetsoi Rossii* [The estate structure of post-Soviet Russia]. Moscow, Obshchestvennoe mnenie Publ., 2008, 216 p. (In Russ.)

Kruglov V.N. *Sotsial'naia stratifikatsiia sovetskogo: v labirintakh iavlenii, traktovok, terminov* [Social stratification of the Soviet: in the labyrinths of phenomena, interpretations, terms]. *Rossiiskaia istoriia* [Russian history], 2021, № 1, pp. 169–174. (In Russ.)

Nikiforov Yu. S. «*V narodnom khoziaistve obostriaiutsia protsessy, na kotorye my ne mozhem zakryvat' glaza*»: problemy SSSR pervoi poloviny 1980-kh godov (po materialam fonda N.I. Ryzhkova) [“In the National Economy, Processes, to which we Cannot Close Our Eyes, are Aggravated”: Problems of USSR in the First Half of the 1980s (Materials of the N.I. Ryzhkov Foundation)]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], 2020, № 9, pp. 405–419. (In Russ.)

Piketti T. *Kapital v XXI v.* [Capital in the XXI century]. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2016, 591 p. (In Russ.)

Stiglits Dzh. *Tsena neravenstva. Chem rassloenie obshchestva grozit nashemu budushchemu* [The price of inequality. Than the stratification of society threatens our future]. Moscow, Eksmo Publ., 2015, 255 p. (In Russ.)

Trud v SSSR: Statisticheskii sbornik [Labor in the USSR: Statistical collection]. Moscow, Finansy i statistika Publ., 1988, 302 p. (In Russ.)

Fil'tser D. *Sovetskie rabochie i pozdnyi stalinizm. Rabochii klass i vosstanovlenie stalinskoi sistemy posle okonchaniia Vtoroi Mirovoi voiny* [Soviet workers and late Stalinism. The working class and the restoration of the Stalinist system after the end of the Second World War]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011, 354 p. (In Russ.)

Fokin A.A. «*Kommunizm ne za gorami*»: obrazy budushchego u vlasti i naseleniia SSSR na rubezhe 1950-1960 [“Communism is not far off”: images of the future in power and the population of the USSR at the turn of the 1950-1960s]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2017, 221 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.01.2021; одобрена после рецензирования 17.03.2021; принята к публикации 12.05.2021.

The article was submitted 28.01.2021; approved after reviewing 17.03.2021; accepted for publication 12.05.2021.